

ПАМЯТНОЕ

*А.И. Картунова**

Длительные контакты с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна, в Москве, Подмосковье и в Крыму (из воспоминаний)

АННОТАЦИЯ: Статья рассказывает о моих длительных контактах с женой Мао Цзэдуна, Цзян Цин, во время её приездов в СССР в 1949, 1952–1953 и 1957 гг., и сохранившихся впечатлениях о том времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Цзян Цин, Мао Цзэдун, Ли На, Линь Ли, Мао Аньцин, Мао Аньин.

В 1992 г. в Москве в малоизвестном журнале «Кентавр» (который незадолго до этого был создан и вскоре «приказал долго жить») была опубликована моя небольшая статья — воспоминания о встречах с Цзян Цин, когда она находилась на лечении в Советском Союзе¹. Статья была написана, можно сказать, «залпом», за одну неделю (торопил редактор) и нужно было уложиться в отведённый объём. В нынешней публикации я сохраняю эту статью, оставшуюся фактически неизвестной российскому читателю, в полном объёме, внося лишь некоторые уточнения и дополнения.

В Пекине мне говорили, что эта статья была опубликована в переводе на китайский в одном из журналов, редакция которого не обращалась ко мне за согласием на публикацию её в Китае. У меня не было бы возражений против этого. Вопрос лишь в этике отношения к автору. Также редакция этого китайского журнала не прислала

* Картунова Анастасия Ивановна, д.и.н., г.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, Россия.

© Картунова А.И., 2019

¹ Кентавр. 1992. № 1–2. С. 121–127. — *Отв. ред.*

мне номер, в котором статья увидела свет. Поэтому не могу судить, насколько качественно был сделан её перевод и точно передана тональность воспоминаний.

Оговорюсь снова, что это не дневниковые записи, а воспоминания об отдельных эпизодах, оставшихся в памяти с тех времён, и впечатления от некоторых поступков и высказываний Цзян Цин. Кроме того, пишу так, как это было. И, наконец, я не привожу биографические данные Цзян Цин². Иначе это были бы не воспоминания.

* * *

Цзян Цин приезжала в Москву на лечение трижды — в 1949, в 1952–1953 гг. и в 1957 г. Кроме того в 1955 г. с кратким визитом (в сентябре) она прилетала в Четвёртое главное управление Минздрава СССР на консультацию. Р.Ш. Кудашев, её переводчик в больнице в тот её приезд, в своих воспоминаниях сообщает, что Цзян Цин была в Москве неделю и улетела в Пекин. Он же пишет, что они с начальником Четвёртого главного управления Минздрава СССР встречали её на военном аэродроме.

В первый свой приезд Цзян Цин провела в Советском Союзе шесть месяцев, во второй — около десяти. Всё это время в силу служебных обязанностей я общалась с ней регулярно, а точнее — почти ежедневно.

Итак, конец мая 1949 г. Я проводила свой отпуск в доме отдыха «Пушкино», в Подмосковье. Не прошло и недели, как за мной приехал один из сотрудников Отдела внешней политики ЦК КПСС, где я работала. Отыскав меня и едва поздоровавшись, он сказал:

² Интересующихся биографией Цзян Цин и подробным описанием её различных политических действий, особенно в 60-х — середине 70-х годов XX в., отошлю к наиболее известным книгам: *Witke R. Comrade Chiang Ching*. Boston–Toronto, 1977; *Чжу Чжунли*. Нью-хуан мэн. Цзян Цин вай чжуань (Сон императрицы. Неофициальная биография Цзян Цин). Пекин, 1988; *Чжу Шань*. Цзян Цин е-ши (Неофициальная биография Цзян Цин). Гонконг, 1981; *Линь Ли*. Ван ши со цзи (Краткие записки о прошлом). Пекин, 2006; *Галенович Ю.М.* Мао Цзэдун вблизи. Москва, 2006. С. 101–130. В 60–80-х годах XX в. на Западе было опубликовано множество статей о Цзян Цин, некоторые из них претендовали на краткую биографию. Для широкого русского читателя наиболее доступна статья: *Лэ Синь*. Из жизни «красной императрицы» // *Проблемы Дальнего Востока*, 1989. № 4–5. (См. также по Именному указателю в книге: *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007, — где, в частности, на с. 510–511 опубликована выдержка из отчёта А.И. Картуновой о её первых контактах с Цзян Цин в 1949 г., хранящегося в РГАСПИ в личном деле Цзян Цин. — *Отв. ред.*)

— Хватит, Настя, отдыхать! Собирай чемодан. Завтра кто-то прилетает из Китая. Мне поручено привезти тебя в Москву. Начальство объяснит, в чём дело.

Подъезжая к Москве, я сказала своему спутнику:

— Сначала мы заедем ко мне домой, я брошу чемодан, и сразу поедем в Отдел.

— Нет уж, — отрезал он, — сначала я «передам» тебя с рук на руки руководству Отдела, а потом делай всё, что твоей душе угодно.

Явилась я прежде всего к своему непосредственному начальнику, заведующему сектором Китая, Монголии, Кореи и Японии Евгению Федоровичу Ковалёву, который до работы в Отделе ЦК КПСС находился на дипломатической службе в Посольстве СССР — вначале в Нанкине, а во время войны сопротивления Японии — в Чунцине, позже стал одним из крупных учёных-китаеведов. Он сообщил, что в Москву прибывает на лечение супруга Мао Цзэдуна — Цзян Цин, и руководство Отдела поручает мне работать с ней. При этом он добавил, что более подробно о круге моих обязанностей в связи с этим поручением расскажет зав. отделом В.Г. Григорьян.

Я тут же направилась к В.Г. Григорьяну. Он объяснил мне, что Цзян Цин прибывает нелегально (в Советском Союзе она находилась под именем Марианны Юсуповой), подчеркнул, что руководство оказывает мне большое доверие и что я не должна делиться, с кем буду работать, кроме тех, кому это знать необходимо. Он также очертил примерный круг моих обязанностей, добавив, что мне следует делать всё возможное, чтобы гостя чувствовала себя в Москве как дома и была довольна лечением, отдыхом и атмосферой пребывания в нашей стране. («Ничего себе, — подумала я, — небольшое задание».) От всякой другой работы на это время я освобождалась.

Тогда мне было 25 лет, прошёл лишь год, как я работала в упомянутом Отделе младшим референтом по Китаю. Должно быть, по молодости и неопытности меня это поручение нимало не смутило.

В связи с пребыванием Цзян Цин в нашей стране для её обслуживания были задействованы различные службы — медицинская, безопасности, хозяйственно-снабженческая. И это было понятно: Цзян Цин — жена Мао Цзэдуна. Под руководством КПК (во главе которой он стоял) народная революция в самой населённой стране планеты шла к победе, к освобождению китайского народа от национального и социального гнёта.

Ко времени прибытия самолёта представители руководства Отдела (а с ними и я) были уже в аэропорту «Внуково». Цзян Цин была очень слаба. Из самолёта её вынесли на носилках. Вместе с Цзян Цин приехала их с Мао Цзэдуном дочка Ли На (в литературе суще-

ствуется другое написание её имени — Ли Нэ, какое дал ей Мао Цзэ-дун [согласно иному звучанию *нэ* иероглифа 讷. — *Отв. ред.*]), девочка, как мне казалось, лет девяти, и Чэнь Чжэньжэнь, в обязанности которой входило заниматься Ли На в качестве няни, вернее всё время быть при ней, поскольку Цзян Цин была больна. После кратких приветствий в сопровождении врача и медсестры Цзян Цин увезли на один из подмосковных государственных особняков для зарубежных гостей высокого ранга в Заречье. Учитывая состояние больной, встречавшие её, попрощавшись, сразу уехали. Остались лишь врач, сопровождавший её из Китая, возможно, это был Мельников, медсестра да я. Тут-то я впервые испытала чувство волнения: как всё сложится в непривычной для меня работе?

С первых дней пребывания в отведённом Цзян Цин особняке она попросила, чтобы температура воздуха в помещении была 22–23° С, к чему она привыкла дома. Её пожелание было исполнено. Такая температура всё время и поддерживалась.

Коротко скажу о внешнем облике Цзян Цин. 1914 года рождения. Следовательно, в 1949 г. ей было 35 лет. К этому времени она уже 10 лет была женой и некоторое время личным секретарем Мао Цзэдуна. Выглядела всегда элегантно благодаря изящной фигуре, умению носить одежду (она одинаково привлекательно выглядела как в брючной паре, так и в платье, которое надевала только в жаркие дни да во время приёма гостей и выездов) и отработанной манере поведения. У неё были живые чёрные глаза миндалевидной формы, правильные черты лица со слегка выдающимися вперёд зубами. Гладко зачёсанные назад блестящие чёрные волосы с тугим узлом сзади. Тонкие кисти рук. Рост 164 см. При хорошем расположении духа она заразительно, весело смеялась.

Цзян Цин, по моим наблюдениям, обладала цепкой памятью. Она всё, что называется, хватала на лету и видно, запоминала навсегда. Была осведомлена о положении в международном коммунистическом движении, знала по памяти имена руководящих деятелей многих коммунистических и рабочих партий мира, неплохо ориентировалась в вопросах о положении в странах народной демократии Восточной Европы и, конечно, о развитии событий в Китае. Словом, Цзян Цин, будучи личным секретарем Мао Цзэдуна, «варилась» в широком потоке информации, которая ложилась на его стол, и небезуспешно запоминала то, что ей казалось интересным и полезным.

Обращала на себя внимание её манера общаться с людьми разного социального положения. Я не переставала удивляться её умению перевоплощаться в беседах с навещавшими её людьми разного должностного положения. Я видела, как она меняет тональность, линию

беседы. И не было случая, чтобы произошёл какой-либо прокол. Она как-то точно «угадывала», с кем и как следует себя вести. Думаю, здесь помогала ей и школа шанхайской киноактрисы в прошлом.

В связи с этим вспоминается один забавный случай. Приезжаю однажды к Цзян Цин в санаторий «Барвиха». Ко мне со слезами на глазах подошла Чэнь Чжэньжэнь и пожаловалась на Цзян Цин, что та несправедливо поступила. Мол, председатель Мао учит, чтобы мы не боялись критиковать друг друга. А вот она, няня (позже я узнала, что она была женой одного из министров КНР), покритиковала Цзян Цин, а та её отругала. В качестве арбитра мне здесь выступать было негоже. Я просто выслушала её и постаралась успокоить, как могла. Вдруг в комнату вошла Цзян Цин. Она была абсолютной спокойна. Подошла к няне и стала разговаривать с ней, как с ребёнком: «Как учит председатель Мао?..» и т.д. Весь тон разговора был таков, будто она общается с несмышлёнышем.

Вспомнив этот эпизод, я подумала о том, как Цзян Цин способна душить головы юным хунвэйбинам, выступая перед ними во время «культурной революции» (1966–1976 гг.), называя их «маленькими генералами», наигранно задушевым тоном вливая яд в их души.

Цзян Цин была достаточно начитана. Хорошо знакома с русской классической и советской литературой, французской классикой, английской и американской литературой, всё в переводах на китайский язык. Иностранными языками не владела. Сомневаюсь, чтобы она сколько-нибудь прилично была знакома с китайским классическим языком вэньянем, поскольку, как мне казалось, она не очень понимала стихи Мао Цзэдуна, которые он писал ей на вэньяне и иногда присылал в письмах жене.

С первых же дней по прибытии Цзян Цин в Заречье мы почти ежедневно встречались с нею. В наших отношениях не было никакой натянутости или напряжения. Гостья знала, что через меня идёт «наверх» информация о состоянии её здоровья (подробная информация по этому вопросу регулярно поступала и из лечсанупра Кремля), ходе лечения, её настроениях, просьбах и пожеланиях, которые выполнялись, безусловно, с привлечением различных служб. В разговорах с Цзян Цин я называла её товарищ Цзян Цин, а она меня — Насьцзя (Настя).

Беседы были самые разные — о ходе революции в Китае, о трудностях, переживаемых китайским народом, о послевоенном строительстве в нашей стране, о литературе, о новых и любимых ею довоенных и военных лет советских фильмах. И, конечно, о недугах, которыми она страдала, и просто на всякие бытовые темы.

Не могу не сказать, что до работы с Цзян Цин у меня фактически не было практики разговорного китайского языка. Китайское отделение Московского института востоковедения я окончила за два года до того и специализировалась не как лингвист, а как историк. К счастью, Цзян Цин говорила на чистом пекинском диалекте. Но поскольку круг вопросов бесед был весьма широк, на первых порах я не могла не испытывать некоторых затруднений в языке. В особняке в Заречье был кинозал, и Цзян Цин заказывала несколько фильмов, вначале советских, позже и других. Я откровенно ей сказала, что делать синхронные переводы фильмов не смогу. Если предполагался просмотр фильма, который мне знаком, то я ей вначале коротко пересказывала его содержание.

Но вскоре всё стало на свои места. В нашей компании появилась Ли Ли (настоящее имя Линь Ли, дочь Линь Боцюя (Линь Цзуханя), в то время члена Политбюро ЦК КПК). Она через Москву возвращалась, помнится, из Праги, где проходил I-й Всемирный конгресс мира, и она участвовала в нём в качестве переводчицы китайской делегации, и, прибыв в нашу столицу, получила указание ЦК КПК остаться в Москве в качестве секретаря-переводчика Цзян Цин.

Об этом человеке — о Линь Ли — я не могу не сказать особо. Она года на два старше меня. И с момента знакомства с ней у нас установились добрые отношения. Эта удивительная девушка покорила меня своими редкими человеческими качествами. Скромная до застенчивости, кристально честная и чистая, великая труженица, патриотка своей родины и интернационалистка, смелая в суждениях, интеллигентная в истинном смысле этого слова. Линь Ли абсолютно свободно, как своим родным, владела русским языком. Значительно позже мне стала известна её биография, которую я здесь пересказывать не буду. Линь Ли — одна из воспитанниц международного детского интерната в г. Иваново. В годы Великой Отечественной войны советского народа работала в Коминтерне, пережила вместе с нами, советскими людьми, все невзгоды войны и радость Великой Победы. В 80–90-х годах XX в. она стала одной из видных в Китае философов марксистского направления, профессором ВПШ ЦК КПК, активной общественной деятельницей. Всякий раз, когда я бывала в Пекине, обязательно навещала её. У нас всегда было о чём поговорить.

По приезде в Москву Линь Ли стала жить в том же особняке, что и Цзян Цин, и, как мне казалось, тяготилась вынужденным «бездельем». В Китае шли бурные события. НРА освобождала всё новые и новые районы от гоминьдановских войск Чан Кайши. Дело шло к полной победе китайской национально-демократической революции. А она сидит в Подмосковье, коротая дни с Цзян Цин, делая синхрон-

ные переводы фильмов, которые по заказу Цзян Цин демонстрировались в особняке, переводя консультации врачей, всюду сопровождая её. Но Линь Ли иногда была неосторожна в своих высказываниях и недоумённых вопросах, которые задавала жене Мао Цзэдуна, в укор ей. Например, зачем Цзян Цин из Китая привозить медсестру, когда в Москве ей обеспечено полное медицинское обслуживание и др.

Во время «культурной революции», когда Цзян Цин стала всемогущей, она жестоко отомстила Линь Ли. Ни в чём не виновная, она по указке Цзян Цин (а предлог было найти нетрудно) отсидела долгие семь лет и четыре месяца в одиночных камерах трёх тюрем. Мне рассказывали в Китае, что от мстительного гнева Цзян Цин во время «культурной революции» пострадало множество неугодных ей, ни в чём не повинных людей. Иные из них, не выдержав выпавших на их долю страшных испытаний, лишились рассудка.

Шли медицинские обследования Цзян Цин. Мы вместе с ней ездили в больницу на ул. Грановского. Скажу лишь, что худшие предположения наших врачей не оправдались. Помогла позже традиционная китайская медицина — именно ей обязана Цзян Цин исцелению от её недуга.

В Отделе меня постоянно спрашивали, как себя чувствует Цзян Цин. Поэтому я приезжала в Заречье регулярно.

Наступило время, когда консилиум врачей решил, что Цзян Цин можно перевезти в больницу, чтобы проводить необходимые обследования и лечение. Её поместили в Центральную клиническую больницу Четвёртого главного управления, известную в то время как «Кремлёвка», расположенную на перекрестке улиц Калинина (ныне Арбатская) и Грановского, напротив Библиотеки им. Ленина (ныне Государственная библиотека). Ей там на 2-м или 3-м этаже (не помню) был отведён целый отсек, вполне комфортно обустроенный.

Начались обследования. Когда состоялся рентген её внутренних органов, я всё видела, переводила, и была поражена тем, что все её органы были сильно опущены против нормы. Особенно низко «висели» сердце и печень. Позже она мне объяснила это тем, что у неё была японская операция по поводу перевязки яичников (как она выразилась «варварская» операция) для того, чтобы предотвращать беременность, что привело к негативным последствиям. Усугубилось это (опущение внутренних органов) позже тем, что, как она добавила, пришлось вместе с руководством КПК, когда уже началась гражданская война (1946–1949 гг.), совершать длительные передвижения в горных местностях провинций Шэньси и Шаньси верхом на лошади. Я, конечно, была в курсе всего, что касалось её болезней до мельчайших подроб-

ностей, но писать об этом не буду из соображений чисто этического порядка, хотя Цзян Цин давно нет в живых. Скажу лишь, что главное, что её беспокоило тогда и позже — это заболевание шейки матки.

После обследования и необходимого лечения, Цзян Цин направили в Подмосковный санаторий «Барвиха». В то время она чувствовала себя уже довольно прилично, прибавила в весе, заметно поднялся тонус настроения.

Вместе с Цзян Цин в «Барвихе» находились Ли На, Линь Ли и Чэнь Чжэньжэнь. Ли На в то время была очень похожа на отца, в хорошем физическом состоянии, раскована в поведении (в хорошем понимании этого слова). Для своего возраста она была хорошо развита. Иногда Линь Ли занималась с ней прочтением и комментированием одной из классических китайских книг. Ли На особенно полюбила территорию санатория «Барвиха», довольно большую по площади, со множеством интересных растений, цветочных клумб, с мостиками и прекрасными аллеями, был там и участок типа лесопарка.

В конце июля 1949 г. в Китай возвращался Гао Ган, и Цзян Цин отправила с ним дочку домой, с ней вместе улетела и Чэнь Чжэньжэнь. С отъездом Ли На я её больше никогда не видела. Где-то в начале 2000-х годов, когда я была в научной командировке, состоялась договорённость о встрече с ней. Но она приехала в гостиницу в сопровождении одной её хорошей знакомой, в последний вечер моего пребывания в Пекине, не предупредив о времени встречи. А в тот вечер я была занята в другом месте.

В то лето в «Барвихе» я познакомилась с Лю Айцин, дочкой Лю Шаоци, и Чжу Мин, дочкой Чжу Дэ. Обе прекрасные девочки, каждая по-своему, приехали в Москву, затем в «Барвиху» из упоминавшегося уже интернационального детского дома, где они жили и учились. Они в то лето кончали среднюю школу. Лю Айцин приехала, конечно, для встречи с отцом, хотя мне об этом не говорила, а Чжу Мин, вероятно, за письмом от отца и приветами. Одновременно навестили и Цзян Цин в «Барвихе». Обе в совершенстве владели русским языком, шутили. Чжу Мин «жаловалась», не обижаясь, что в Ивановском детдоме у нее «кличка» «цилиндр», потому что она немного полновата. Но всё это было со смехом. Несколько десятилетий спустя, когда я бывала в Пекине, звонила им по телефону. Обе уже были в возрасте и нездоровы. С Чжу Мин мы как-то встречались в Пекине в Обществе китайско-советской дружбы. Она рассказывала о своей семье, детях и внуках, с тёплым чувством вспоминала годы жизни и учёбы в Ивановском интернате, навсегда оставшиеся впечатления от учёбы в Пединституте в Москве. К сожалению, в октябре 2009 г., когда в Москве широко отмечали 60-летие

трёх событий — провозглашения КНР, установления советско-китайских дипломатических отношений и основания Общества советско-китайской дружбы, от Лю Айцин я узнала печальную весть, что Чжу Мин уже ушла в мир иной.

Обе эти женщины с тяжёлой судьбой. Чжу Мин испытала все ужасы фашистского плена во время Великой отечественной войны советского народа, а Лю Айцин — тяжёлое нищенское детство в чужой семье, а в годы «культурной революции» переживания за отца, переносившего жесточайшие издевательства над ним, завершившиеся его кончиной в 1969 г., а также за моральные унижения и издевательства над его женой Ван Гуанмэй, просидевшей в те годы 11 лет в тюрьме. Чжу Мин и Лю Айцин написали честные и интересные книги воспоминаний об их отцах, чей вклад в победу народной революции в Китае в 1949 г., а затем и в строительстве КНР неопеним. В 2006 г. в Пекине вышла в свет на русском языке книга Чжу Мин «Мой отец Чжу Дэ». А в 2009 г. там же в переводе на русский была опубликована книга Лю Айцин «Мой отец Лю Шаоци», презентация которой состоялась в Институте Дальнего Востока РАН на заседании совместно с Центральным правлением Общества российско-китайской дружбы. Эти обе книги явились ценным вкладом не только в понимание личности этих выдающихся политических деятелей и духа времени, в которое они работали, но и ярко представили их чисто человеческие качества. Книги разные по стилю, содержат большой массив информации, которую не почерпнёшь больше нигде. Из их воспоминаний читатель узнает также, какими строгими к своим детям были и Лю Шаоци, и Чжу Дэ, в том числе не пользовались своим высоким положением в вопросе карьеры своих детей.

Шло время... Цзян Цин была помещена в больницу и постепенно окрепла. Вскоре она вернулась в отведённый ей особняк в Заречье, совершала прогулки, играла на бильярде, который пришёлся ей по нраву. Жизнь в Заречье шла по заведённому Минздравом СССР порядку. Через день приезжали врачи из Центральной больницы Четвёртого главного управления Минздрава СССР, наблюдая, как идёт адаптация к условиям Подмосковья, улучшается ли аппетит, физическое состояние. Надо сказать, что Цзян Цин довольно быстро набиралась сил. Стала совершать небольшие прогулки по территории, окружающей особняк. Иногда она любовалась открывавшимся видом — река и масса зелени. Ей нравилось Подмосковье. Время от времени её навещали Лю Шаоци, Гао Ган и Ван Цзясян, которые находились в Москве нелегально в июне–августе 1949 г. с ответственным государственным визитом. В Заречье её навещали чаще других Ван Цзясян — будущий первый посол КНР в Советском Союзе и его жена Чжу

Чжунли. Цзян Цин получала письма и посылки из дома. Однажды она спросила меня, знаю ли я такой фрукт — личжи. Я ответила, что слышу о нём впервые. Дней через 10 при одном из моих очередных посещений Цзян Цин она пригласила меня к столу, на котором стояла ваза с фруктами, присланными из Китая.

— А вот эта веточка с «шариками» и есть личжи, которые растут на юге Китая. Я их очень люблю, — сказала Цзян Цин. — Кухайте, угощайтесь, я думаю, они вам понравятся, у них очень нежная мякоть.

По мере того, как укреплялось здоровье Цзян Цин, она выражала желание побывать на промышленных предприятиях (мы посетили с ней, например, завод сельхозмашин в Люберцах), интересовалась положением дел в советских колхозах. И, конечно же, время от времени посещала Большой театр, однажды попросила организовать ей встречу с Сергеем Лемешевым, и эта встреча состоялась. Во МХАТе Цзян Цин по её просьбе встретилась и беседовала с Аллой Тарасовой (в то время одна из самых популярных актрис и директор театра) и группой ведущих артистов этого театра, побывала на Мосфильме.

Увлекалась Цзян Цин цветной фотографией. В то время она в Москве ещё не так широко была распространена.

В связи с этим запомнился один неприятный для меня эпизод. У Цзян Цин кончились две цветных фотоплёнки, на которых была главным образом сфотографирована она, а также лица, постоянно находившиеся с ней в санатории «Барвиха» и в особняке в Заречье. В очередной мой приезд Цзян Цин попросила меня проявить плёнки и отпечатать фотографии. Разумеется, я обещала выполнить просьбу.

Наведя справки, где в Москве можно проявить цветные фотоплёнки, я отправилась на одну из кинофабрик, где благополучно и сдала их, получив квитанции. Однако, вернувшись к вечеру домой, почувствовала беспокойство, затем тревогу, а к ночи уже потеряла сон и покой, поняв, что сделала что-то не то. Ведь Цзян Цин находилась в Москве нелегально.

На следующее утро в 9 часов (в то время рабочий день в аппарате ЦК начинался в 11 часов утра и длился до поздней ночи) я уже сидела в приёмной зам. заведующего отделом Александра Леонидовича Орлова (позже зам. министра иностранных дел СССР). К 10 часам стала волноваться: вдруг у Александра Леонидовича с утра другие планы, и он не сразу поедет в Отдел? Пошла к дежурному и попросила номер домашнего телефона Орлова. Извинившись за звонок, сказала, что мне необходимо переговорить с ним как можно скорее. Приехав в Отдел, А.Л. Орлов внимательно выслушал меня, затем сказал, чтобы я была на месте: через полчаса-час он меня вызовет.

И вот я снова в его кабинете. На столе лежит объективка на запрошенного им человека с той кинофабрики. Не предложив мне даже сесть, Александр Леонидович круто, я бы сказала по-мужицки, «высказался». Но я сделала вид, что и не слышала этого «междометия».

— Ты только посмотри, на этом человеке ведь пробы негде ставить, он побывал чуть ли не во всех странах света, и везде с «хвостами», — взволнованно говорил он.

Орлов вызвал машину, и мы вместе поехали на кинофабрику. Посидев для вида в салоне и полистав альбомы, Александр Леонидович сказал секретарю, что ему нужно пройти к директору. Значок депутата Верховного Совета СССР избавлял его от излишних вопросов со стороны секретаря. Директору он сказал, что вчера «племянница» сдала фотопленки, но обстоятельства изменились и мы не можем их ждать, поскольку вечером улетаем из Москвы. Без всяких разговоров нам вернули эти злосчастные пленки... А всё необходимое потом было сделано в фотолаборатории на Старой площади.

Позже, из литературы, я узнала, что Цзян Цин была своенравна и взбалмошна. Тогда в Москве она, видно, не давала воли своим страстям. Но что она была человеком резко меняющегося настроения, это для меня было ясно.

Вспоминаются некоторые эпизоды, свидетельствующие об этом. Цзян Цин сказала, что она хотела бы сшить летнее платье из лёгкого шёлка цвета *юэлян* («лунный свет»). Выполнить это пожелание не было труда. На Кутузовском проспекте функционировала пошивочная мастерская, обслуживавшая сотрудников аппарата ЦК КПСС. В тот же день я заехала туда и договорилась с рекомендованной мне закройщицей приехать и снять мерку с заказчицы. Всё своевременно было сделано. Через пару дней приезжаю к Цзян Цин в больницу на Грановского. В вестибюле я увидела Машеньку, закройщицу из пошивочного ателье, всю зарёванную. На мой вопрос, что случилось, она сказала: «Да как же тут не заплачешь! Я ей (Цзян Цин) всю ночь готовила платья к примерке, а она не хочет примерять их!» Не знаю, что было причиной дурного расположения духа Цзян Цин. Но интересно, что, когда я зашла к ней в отсек и провела в её обществе около часа, она даже не упомянула об этом «инциденте» и лишь сказала, что неважно сегодня чувствует себя. А Машу пришлось пригласить с примеркой лишь через несколько дней. Такого рода неожиданные поступки Цзян Цин проявлялись и в Крыму, о чём речь пойдёт ниже.

Врачи порекомендовали Цзян Цин для закрепления результатов лечения и укрепления здоровья поехать в Крым. Там теперь начинается «бархатный сезон» — самое прекрасное время для отдыха, сказала врач. Она согласилась.

Руководство Отдела ЦК откомандировало меня сопровождать Цзян Цин в дороге и оставаться с ней на всё время её пребывания в Крыму. Кроме нас всё время находились с ней Линь Ли и два офицера из охраны, к которым Цзян Цин уже привыкла в Москве. Для поездки до Симферополя Цзян Цин был предоставлен личный вагон И.В. Сталина. В нём был рабочий кабинет, спальня, столовая, гостиная, несколько купе и кухня. Главной примечательной чертой этого вагона было то, что он шёл совершенно плавно, без толчков вниз-вверх. Как мне объяснили, это было потому, что вагон прочно стоял на тяжёлом днище и поэтому был постоянно устойчив.

Из Симферополя мы приехали в Кореиз на машинах. Цзян Цин и её «команде» был предоставлен первый этаж бывшего дворца князя Юсупова, а в то время это была государственная дача. Этот дворец, исполненный в прекрасном архитектурном решении, расположен на возвышенной части Кореиза, откуда открывался вид на море. Вокруг дворца большая территория. Это превосходный парк с благоухающими магнолиями, раскидистыми платанами, плантацией виноградников, образующих галереи с висящими кистями плодов, редкими растениями, ухоженными полосами и клумбами цветов и т.п. Цзян Цин занимала помещения правого крыла, где была большая спальня, кабинет и необходимые другие помещения. Отдельная комната была у Линь Ли. Меня ещё в Москве предупреждали, что мне будет отведена комната в левом крыле, в которой установлен аппарат прямой связи с Москвой — ВЧ связи. В.Г. Григорьян строго-настроено наказал мне постоянно звонить в Отдел по поводу любых ситуаций, которые я сама не смогу разрешить на месте, и, конечно, регулярно сообщать о самочувствии и настроении Цзян Цин. «Звоните в любое время, не стесняйтесь», — завершил он свои наставления, что лишний раз напоминало, какое внимание советское руководство уделяло жене Мао Цзэдуна. На первом этаже расположены также большой зал — столовая, бильярдная, библиотека и необходимые службы.

У Цзян Цин начался курортный отдых. Она с удовольствием гуляла по парку, иногда выходила погулять и бессонной ночью в сопровождении одного из офицеров охраны, стала заходить в бильярдную погонять шары. Мне пришлось тренироваться в свободное время, чтобы составить хоть какую-то компанию Цзян Цин в этой игре. К счастью, дней через 10 приехал туда же генерал Свобода с женой Ирэнной Свободовой и адъютантом, которые расположились на втором этаже дворца. Генерал Свобода оказался также любителем игры в бильярд, и они с Цзян Цин иногда «состязались» по часу-полтора.

Цзян Цин в Крыму нравилось всё. У меня же иногда возникали трудности с исполнением некоторых неожиданных её пожеланий, и

я вынуждена была звонить руководству Отдела, запрашивая, как разрешить тот или иной вопрос. Так однажды Цзян Цин спросила, нет ли здесь где поблизости лошадей, чтобы поехать по горным дорогам Крыма. Пожелание это для исполнения не из простых. Я позвонила в Отдел, спросила, что будем делать. Мне ответили: «Позвоните, примерно через час». Звоню. Ответ такой: В Крыму есть широко известный конезавод. Вам там выделяют две лошади. О дне доставки договоримся. Сказала об этом Цзян Цин. Она очень обрадовалась. Когда же начались переговоры с конезаводом, Цзян Цин передумала и отказалась от этой затеи.

А вот ещё эпизод. Когда Цзян Цин направлялась с Крым, имелось в виду, что она там пробудет примерно полтора месяца. Но не прошло и половины срока, как она сказала мне, что хочет вернуться в Москву. О причинах ничего не было упомянуто, а я не стала спрашивать. Цзян Цин ехала до Симферополя в специальном вагоне Сталина. Поэтому я понимала, что так вдруг организовать отъезд Цзян Цин тем же вагоном будет непросто. Звоню в Москву зам. заведующего отделом В.В. Мошетову и сообщаю эту новость. Сказала, что могу немного повременить с ответом Цзян Цин и посмотреть, что будет в ближайшие день-два. Так и решили. Но он просил позвонить через полчаса. Когда позвонила, Мошетов сказал, что вагон находится далеко от Москвы и организовать отъезд Цзян Цин в ближайшие дни невозможно. Вечером следующего дня Цзян Цин за ужином вдруг заявила, что она, пожалуй, останется здесь ещё недельки на две-три.

Цзян Цин всегда жаловалась на бессонницу. Говорила, что это результат переутомления в яньаньский период гражданской войны, неустойчивости быта, верховых длительных переездов в горной местности, после того как коммунисты вынуждены были оставить Яньань в марте 1947 г. Снотворные средства, по её словам, не действовали. Поэтому, отдыхая в Крыму, она попросила, чтобы в спальне на ночь ей оставляли коньяк, поскольку рюмка коньяка перед сном порой помогала ей уснуть.

Однажды я испытала шокое состояние. Возвращаясь из Ялты, которую она хотела посетить, Цзян Цин поинтересовалась, местный ли житель шофёр (помнится, его звали Пётр). Я перевела этот вопрос, обращаясь к нему. Шофёр ответил, что местный. У Цзян Цин больше к нему не было вопросов. Вдруг он через пару минут добавил: «У меня на квартире есть белка». Цзян Цин тут же поинтересовалась, что он ещё сказал. Как по-китайски белка, я не могла вспомнить. А Линь Ли ехала в то время в другой машине. Но у меня при себе всегда был блокнот и ручка, и я попробовала изобразить на бумаге этого

зверька. Последствий я никак не ожидала. К моему удивлению, Цзян Цин поняла, что это белка и с восторгом воскликнула: «Суншу! (белка). Я хочу посмотреть на неё, поедemте к шоферу домой!» Мы коротко обсудили с Петром, как быть, я спросила об условиях, в которых он живёт. Оказалось, что он здесь живёт один, у него две комнаты, в одной из них — белка, квартира его недалеко от дворца (было ясно, что он не местный и проживает в служебной квартире). Решили заехать к нему. Когда подошли к двери и шофер открыл её в прихожую, Цзян Цин вошла первой и сразу открыла дверь в комнату, немедленно оказавшись во власти белки. Зверёк прыгнул на неё и стал стремительно бегать вокруг её фигуры, как вокруг ствола дерева. Меня, как молнией, пронзила мысль, что белка будет кружиться и вокруг головы Цзян Цин и расцарапает ей лицо. Можно было представить себе последствия... Я успела только крикнуть Петру: «Поймайте белку!» А Цзян Цин в это время весело заливалась смехом. Хозяин легко справился со зверенышем. Цзян Цин протянула руки, взяла белку, гладила и разглядывала её с восхищением. Слава богу, худшее не произошло. Потом она заглянула во вторую комнату, где была кровать, тумбочка, телефон, небольшой столик и радиоприёмник, типичная обстановка для временного служебного проживания.

Позже я подумала, что, скорее всего она хотела посмотреть, как живёт семья шофёра, тем более что ещё в Москве она раза два намёком давала понять, что ей интересен быт, уклад жизни простых советских людей. Я об этом даже не докладывала руководству Отдела. С жильём в Москве в то время было трудно. После войны строилось много, но население столицы всё прибывало. «Коммуналки» пока что не могли рассосаться. Их немало даже в нынешнее время в Москве. Некоторые несведущие люди пишут о каких-то невероятных привилегиях работников аппарата ЦК КПСС, в том числе будто у всех работников аппарата ЦК уже в те годы были отдельные квартиры в элитных домах. Это не соответствует действительности. Помните, в нашем Отделе было три референта, которые долгое время жили в гостинице, не имея возможности перевезти свои семьи в Москву из-за отсутствия квартиры. Руководство Отдела даже писало ходатайство в соответствующую инстанцию, чтобы решить, наконец, этот вопрос. Почти все младшие референты, уже имея семьи, жили в квартирах своих родителей, ожидая годы получения своего жилья, опять-таки в коммунальных квартирах. Многие референты также жили в «коммуналках» — по две семьи в квартире.

Так что Цзян Цин не удалось побывать в квартире советских людей, кроме казённой времянки шофёра в Кореизе. В 1957 г. она

была в гостях у жён некоторых советских высокопоставленных лиц. Но это совсем другая ситуация.

Возвращалась Цзян Цин из Москвы на родину поздней осенью поездом. Ехала в том же салон-вагоне Сталина. Я сопровождала её до Читы. С ней вместе возвращалась на родину и Линь Ли. Однажды на одной из станций, не доезжая до озера Байкал, я вышла на платформу посмотреть, не продают ли омуль, рыбу, которая водится только в озере Байкал. Об этой рыбе и её особых вкусовых качествах я наслышана была от друзей. Мне повезло, я купила 3 рыбины омуля. Стоявшая у окна Цзян Цин видела, как я что-то купила, и когда я вошла в вагон, она подошла и поинтересовалась, что у меня в сумке. Скрывать не было смысла. Услышав об этой интересной рыбе, она изъявила желание тоже попробовать, какова она на вкус. Пришлось пойти к повару и попросить так приготовить к столу эту рыбу, чтобы, упаси бог, никаких неприятностей у нашей гостьи не возникло. На прощание Цзян Цин подарила мне фотографию, на которой она изображена вместе с Мао Цзэдуном на прогулке в парке. Просила обязательно дать ей знать, когда буду в Китае. Обещала многое показать в её стране. Разумеется, я не воспользовалась этим приглашением, хорошо понимая, что я была лишь официальным лицом, исполнявшим служебные обязанности. В декабре 1949 г., уже после победы революции в Китае, когда Мао Цзэдун прибыл в Москву на 70-летие Сталина и для подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключённого 14 февраля 1950 г., Цзян Цин прислала мне письмо и небольшой подарок.

* * *

...Шёл третий год становления и строительства Китайской Народной Республики. Укреплялись узы дружбы и разностороннего сотрудничества между нашими странами. Теперь уже Цзян Цин была в Москве легальной гостьей, хотя пребывание её здесь не афишировалось. Режим жизни был тот же — подмосковный особняк, кремлёвская больница, санаторий «Барвиха», редкие выезды в театр и т.д. Деятели КПК и китайского правительства стали часто посещать столицу нашей страны с самыми разными миссиями. Кое-кто из них наносил визиты Цзян Цин, привозя ей из дома письма, посылки с фруктами из южных китайских провинций, новости с родины. Однажды, в июле 1952 г., Цзян Цин загадочно спросила, не хотела ли бы я повидать Чжоу Эньляя, который в то время находился во главе делегации КНР с государственным визитом в Москве. Но кто же мог отказаться от такой редчайшей возможности? На следующий день она ожидала его к обеду, пригласила и меня приехать к этому

времени. Я приехала вовремя, но Чжоу уже уехал, у него изменился распорядок работы на тот день.

Цзян Цин в тот раз много и тепло говорила о нём (Чжоу Эньлае). А во время «культурной революции» не без её участия в китайской печати была развёрнута разнузданная, слабо завуалированная травля этого выдающегося государственного деятеля и дипломата XX в.

Чаше других я встречала у Цзян Цин первого посла КНР в Москве Ван Цзясяна, с которым она подолгу беседовала.

Цзян Цин была сдержанна, когда речь заходила о Лю Шаоци. Однажды (дело было в 1952 г.) она спросила меня, видела ли я его жену Ван Гуанмэй. Получив утвердительный ответ (не знаю, почему я сказала «да», в действительности я её не видела), Цзян Цин не сказала ни слова. Почти тот же вопрос: знакома ли я с женой Лю Шаоци, задала мне Цзян Цин в 1953 г. Я ответила, что не знакома. Мне стало понятно, что хороших чувств к жене Лю Шаоци она не испытывала.

Однажды Цзян Цин спросила меня, нельзя ли съездить в какой-нибудь большой московский универмаг. Как будто желание понятное. Я доложила руководству об этом намерении Цзян Цин. Тут же в моём присутствии было оговорено с соответствующим ведомством, как обеспечить безопасность такой поездки.

И вот мы в ГУМе. Не прошли и двадцати шагов, как Цзян Цин остановилась. Остановились и все сопровождавшие её. Что же привлекло её внимание? Со второго этажа на первый вытянулась длинная очередь. Цзян Цин спросила меня, что это. Я попросила офицера охраны узнать, за чем такая очередь. Когда он вернулся и рассказал, в чём дело, я повернулась к Цзян Цин: «Товарищ Цзян Цин, это шерстяные кофты вашей страны пользуются таким большим успехом у наших покупателей». Цзян Цин была явно шокирована. Помолчав немного, она резко повернулась и пошла к выходу. Села молча в машину. Я — вслед за ней.

От центра Москвы до загородного особняка, где она жила, 45 минут езды на машине. За всё это время гостя не проронила ни слова. Я не прерывала её молчания. Выйдя из машины у подъезда особняка, Цзян Цин, ни к кому не обращаясь, в сердцах сказала: «Это советский народ, который совершил Октябрьскую революцию и открыл новую эпоху в истории человечества, это советский народ, который неисчислимыми жертвами спас народы мира от фашистских варваров, — этот народ стоит в огромной очереди за нашими китайскими паршивыми кофтами! Да мы все, страны народной демократии, — продолжала она, — должны отрывать от себя последнее, чтобы со-

ветские люди ни в чём не нуждались». Мне этот пассаж не показался театральным, видимо, это было сказано от души.

Вернувшись сразу в Отдел, я доложила заведующему сектором о том, что произошло в ГУМе и по возвращении из него. Выслушав меня, он направился к заведующему Отделом. Возвратившись, сказал: «Садитесь и изложите этот эпизод в письменном виде. Будем докладывать Сталину». Помнится, дня два эта бумага читалась, правилась, вычитывалась по буквам, прежде чем пошла «на самый верх».

По возвращении Цзян Цин в Китай, как мы узнали, в то время она будто бы оказывала благотворное воздействие на Мао Цзэдуна по поводу его отношения к Советскому Союзу, давая благожелательную информацию о виденном в нашей стране.

Известно, что у Мао были свои представления о социализме. Он, например, был потрясён, когда узнал о том, что пасечник Ферапонт из патриотических чувств внёс 2 млн руб. на строительство боевого самолета для фронта во время Великой Отечественной войны.

— Какой же это социализм, — рассуждал Мао, — если у колхозника два миллиона?!

Я упомянула здесь о добром отношении Цзян Цин к Советскому Союзу в 1949 и 1953 гг. вот в связи с чем. Во время «культурной революции» Цзян Цин была одной из наиболее яростных антисоветчиц. Зная немного её, я не раз задавалась вопросом: чем это можно объяснить? И пришла к выводу, что антисоветизм Цзян Цин не имел ничего общего с идейными убеждениями. Может быть, таких у неё и вообще не было. По крайней мере, могу утверждать, что о марксизме у неё были весьма смутные представления. Скорее всего, она знакома была с какими-то элементами этого учения по лекциям Мао Цзэдуна в Яньани, которые она ревностно посещала. Здесь произошло их знакомство, приведшее в 1939 г. к женитьбе Мао на Цзян Цин. Обстоятельства их бракосочетания, — имею в виду несогласие многих членов Политбюро ЦК КПК на женитьбу Мао на Цзян Цин, — широко известны из литературы, и я не буду их повторять. Толковала она марксизм односторонне и примитивно, как учение только о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. С её антисоветизмом всё было понятно: Цзян Цин была непомерно тщеславна и амбициозна. Когда началась «культурная революция», Цзян Цин, видимо, сочла, что пришел её звёздный час. Пользуясь именем Мао Цзэдуна, она сумела войти в состав высшего китайского руководства, с 1969 г. стала членом Политбюро ЦК КПК. И хотя в сферу её деятельности официально входили вопросы культуры, вскоре она стала участвовать в решении вопросов как внутренней, так и внешней политики. Я где-то читала, что из-за её вмешательства в сферу

внешней политики у Чжоу Эньлая просто опускались руки. Мао Цзэдун был уже стар и болен, а Цзян Цин, не имея никаких заслуг перед своей страной, пыталась «играть роль» чуть ли не ведущей политической фигуры, что страшно раздражало членов Политбюро. Как известно было в среде советских китаеведов, ей не раз «давали по рукам» на заседаниях Политбюро, в частности Чжу Дэ, когда Цзян Цин пыталась командовать от имени председателя Мао Цзэдуна. Чем это кончилось для Цзян Цин, известно. На суде по делу «банды четырёх» в 1977 г. Цзян Цин была приговорена к смертной казни с отсрочкой приведения приговора в исполнение на год. Позже смертная казнь была заменена пожизненным заключением. И в начале июля 1991 г. Цзян Цин покончила жизнь самоубийством.

...Но вернёмся в 1953 год. В конце февраля — начале марта я по поручению руководства Отдела и по просьбе Цзян Цин ежедневно приезжала к ней с бюллетенями о состоянии здоровья Сталина.

5 марта с утра меня вызвал зав. Отделом и сказал, чтобы я ехала к Цзян Цин и сообщила ей скорбную весть о кончине И.В. Сталина. Я немедленно выехала в «Барвиху», где она в то время находилась. С тяжёлым чувством я выполнила это поручение. Мы все плакали. Цзян Цин тяжело переживала его смерть. Китайскую весьма представительную делегацию на похоронах Сталина возглавлял Чжоу Эньлай. Цзян Цин естественно в делегацию не входила, но она как жена Мао Цзэдуна ездила в Колонный зал Дома союзов, где стояла несколько минут в карауле у гроба Сталина.

И ещё эпизод из того же года. Приближалась 4-я годовщина провозглашения КНР. Состоялось специальное решение о том, что поздравить Цзян Цин с этим юбилеем к ней поедут Екатерина Алексеевна Фурцева (в то время секретарь МГК КПСС, позже секретарь ЦК КПСС) и Людмила Алексеевна Дубровина (в то время зам. министра народного образования РСФСР). Поскольку удивить Цзян Цин подарком было трудно, и это все понимали, то мне, как немного знакомой с её вкусами, было поручено подумать и внести свои предложения на этот счёт. Зная, что Цзян Цин не раз любовалась видами нашего Подмосковья, я предложила подарить ей картину: какой-нибудь приличный пейзаж среднерусской полосы. Предложение было принято. В средствах меня не стесняли. Долго я ездила по художественным салонам Москвы. Наконец увидела картину «Весна в Подмосковье» (автор как будто Кузнецов, теперь уже запамятовала). «Это как раз то, что надо», — подумала я. И немедленно купила её.

И вот подходит время, когда нужно выезжать. Сажу в машину напротив здания МГК КПСС в ожидании Е.А. Фурцевой. А её всё нет. Опаздывать нельзя. Поднимаюсь в её приемную, прошу секретаря-

ря напомнить Екатерине Алексеевне, что её ждут. Секретарь мнётся, не решаясь войти в кабинет, и предлагает мне войти. Приоткрыла дверь и вижу: Фурцева стоя что-то выговаривает весьма резко присутствующим на совещании. Увидев меня, дала знак, — мол, одну минуту. И её заключительная фраза: «Приеду через два часа. Чтобы бумага лежала здесь!» И ударила ладонью по столу, как бы указывая место, где должна лежать «бумага».

Мужчины встали и быстро стали выходить.

Уставшая Фурцева зашла в туалетную комнату, поправила причёску, и мы спустились вниз. У своей машины стояла Дубровина. Мы все втроём сели в машину Фурцевой по её приглашению и двинулись в путь. Где-то минут через десять Екатерина Алексеевна, вдруг спохватившись, спросила:

— А с чем мы едем, что дарить будем жене Мао Цзэдуна?

Я ответила.

— Что же вы мне раньше не сказали? Я бы в московских подвалах такую картину подобрала!..

Цзян Цин встретила нас в чёрном, из тонкой шерсти, облегающем фигуру платье с изящным украшением, как всегда тщательно причёсанная, в чёрных замшевых туфлях на среднем каблуке. Вся отдохнувшая и сияющая.

Полный контраст с нашими женщинами — общественными и государственными деятельницами — Фурцевой и Дубровиной, усталыми, не имевшими даже времени подготовиться к визиту.

Ужин прошел непринуждённо. Цзян Цин сумела создать нужную атмосферу. А гвоздём ужина были уморительно остроумные рассказы Дубровиной о своей поездке в Китай, которые она преподносила с редким мастерством.

В этот второй свой приезд в Москву Цзян Цин довольно часто рассказывала разные эпизоды из жизни Мао Цзэдуна (она всегда называла его в разговорах Мао чжуси — председатель Мао). Однажды она, вспоминая о его болезни, говорила, что иногда во время прогулок Мао Цзэдун вдруг начинал беспорядочно размахивать руками, как бы цепляясь за воздух. У него было чувство «потери земли», как она выразилась, словно бы земля уходила из-под ног.

В тот приезд Цзян Цин в 1953 г. рассказывала мне, что она выезжала в деревню, но инкогнито (никто в деревне не должен был знать, что она жена Мао Цзэдуна) и что участвовала там в проведении аграрной реформы. Но в деревне, как я поняла, она была недолго. Однако, по её словам, «это был полезный опыт работы с массами».

В другой раз Цзян Цин в разговоре со мной сетовала, что её «не выпускают к массам», то есть ей не дают возможность выступить пе-

ред широкими массами, чтобы проявить себя как общественного и политического деятеля. А к тому времени стремление быть видной и влиятельной фигурой, обладать властью, несомненно, уже вызревало.

Однажды Цзян Цин решила навестить лечившегося долгое время в Москве младшего сына Мао Цзэдуна от его второго брака Мао Аньцина. Я знала его по учёбе в Московском институте востоковедения, где он некоторое время учился вместе со старшим братом Мао Аньином, только на разных курсах. В Институте мы их знали как Сергея Юньфу (старший из них) и Колю Юньшу (младший). Никто из нас, кроме, возможно, двух студентов в то время не знал, что это сыновья Мао Цзэдуна. Я сказала Цзян Цин, что знакома с Аньцином, на что она ответила в том смысле, что это, в таком случае, облегчит «наш визит». Собралась Цзян Цин навестить пасынка (хотя назвала его сыном) неспроста. Дело в том, что Коля (так назову его по старой привычке) в то время увлёкся молоденькой русской медсестрой этой больницы и хотел жениться на ней, предварительно разведясь с женой. Цзян Цин приехала с подарком, отрезом китайского шёлка, для девушки, с которой так романтично дружил сын. Но не исключено, что главной целью визита Цзян Цин было сообщить Аньцину мнение отца по поводу этой ситуации. Встретились Цзян Цин с Аньцином по-родственному тепло. Через несколько минут в палату вошла медсестра с лекарствами для Аньцина, это и была та девушка, о которой идёт речь. Аньцин встал и, обращаясь к ней, сказал: «Это моя мама, знакомьтесь». Цзян Цин поблагодарила девушку за внимательный уход за сыном и вручила ей подарок. Лицо девочки (ей было всего 16 лет) вспыхнуло краской от смущения, она не знала, как ей поступить. Я её выручила. В результате она поблагодарила за подарок, извинилась и почти бегом покинула палату. Для меня было ясно, что у матери с сыном состоится семейный разговор. Под пустяковым предлогом я оставила их вдвоём. В завершение визита Цзян Цин хотела поговорить с лечащим Аньцина врачом. Но его в тот день в больнице не оказалось. Трудно сказать, как Цзян Цин относилась к сыновьям Мао, она никогда не упоминала о них в разговорах. Теперь же, на обратном пути из больницы, Цзян Цин рассказала об обстоятельствах гибели Мао Аньина в Корее во время войны 1950–1952 гг., куда он уехал добровольцем, и в то время, о котором пойдёт речь, находился в штабе при Пэн Дэхуае. Однажды, когда раздалась очередная тревога «воздух», все побежали в ущелье, служившее в тот момент бомбоубежищем, а Аньин, вспомнив о котелке с рисом на огне, помчался за ним. Тут и настигла его бомба.

Мао Аньин показал себя в институте юношей очень способным, я бы даже сказала талантливым, достаточно начитанным. Особенно

он выделился основательными знаниями на семинарах нашего курса по политэкономии. Мы, его однокашники, слышали, что по возвращении в Китай он не сошёлся по ряду вопросов с отцом. Мао Цзэдун направил его в Маньчжурию проводить аграрную реформу, чтобы он окунулся в гущу жизни китайского народа.

Когда Цзян Цин приехала в Москву в 1957 г., я уже не работала в аппарате ЦК, а была аспиранткой АОН при ЦК КПСС. Однажды мне позвонил И.С. Щербаков (с 1955 г. он был зав. сектором Международного отдела ЦК КПСС, позже послом СССР во Вьетнаме, затем длительное время — в Китае) и сказал, что одна моя «старая знакомая» находится вновь в Подмоскowie и хотела бы встретиться со мной. Приглашает приехать к ней вместе с моей дочкой Иринкой (Цзян Цин видела её двухлетней, а теперь ей было уже около шести лет). Помню, был ясный осенний день. После обеда мы гуляли с Цзян Цин по аллеям парка. Чувствовала она себя совсем неважно. Быстро уставала. Кто-то из персонала всё время шёл за ней поодаль с раскладным парусиновым креслом. Всякий раз, когда она оглядывалась, это кресло раскладывали, и она садилась отдохнуть. Жаловалась на нездоровье, говорила, что много времени проводит в Куньмине (главный город юго-западной провинции Китая Юньнань), расположенном как бы в чаше, обрамлённой горами, где круглый год цветут цветы, сменяя одни другими, и где идеальный климат с почти неизменной температурой воздуха. Таким образом, в то время они с мужем часто и подолгу жили порознь. И, как я поняла, их супружеские отношения оставляли желать много лучшего. Вспоминала дни, проведённые ею в Крыму, рассказывала о своей дочери Ли На, спрашивала о моих делах. Наша встреча закончилась «весело». Пока мы с Цзян Цин прогуливались по парку, Иринка «обследовала» весь большой дом (это была большая дача Максима Горького, а в то время государственная дача), и мы обнаружили её в спальне Цзян Цин. Из-под кровати торчали ноги моей доченьки, а на полу были рассыпаны таблетки лекарств, которые она собирала под кроватью. Цзян Цин всё поняла и добродушно улыбнулась.

Больше я её никогда не видела, а бывая в Китае, никогда не упоминала имени Цзян Цин. Правда, будучи в научной командировке в Китае весной 1959 г., я случайно столкнулась у входа в поликлинику «Красный крест» в Пекине с Чжу Чжунли (она в то время была главврачом этой поликлиники) и спросила у неё, как чувствует себя Цзян Цин и Ли На. Она обещала навести справки и сообщить мне и своё слово сдержала. В условленное время прислала в гостиницу машину и приглашение на обед в Чжуннаньхай (резиденция ЦК КПК и правительства и место проживания членов Политбюро), где

они жили с Ван Цзясяном (в то время членом Политбюро ЦК КПК). На обеде, кроме меня, были известный китайский деятель культуры, переводчик русской классической и советской литературы Гэ Баоцюань и выпускница Московской консерватории, а в то время профессор вокального отделения Шанхайской консерватории Чжэн Синли. Дом Ван Цзясяна и Чжу Чжунли в этом «запретном городе» был традиционно-китайским, огорожен забором, во дворе два-три дерева. Сам дом разделён на мужскую и женскую половину. Расставаясь, Чжу Чжунли сказала, что Цзян Цин в Куньмине, а Ли На — в загородной школе.

И ещё был случай, когда, будучи в Китае, я упомянула имя Цзян Цин. Произошло это при следующих обстоятельствах. Группа из Общества советско-китайской дружбы, в состав которой входила и я, прибыла в Пекин в ноябре 1966 г. «Культурная революция» была уже в разгаре. Где бы мы ни появлялись, нас грубо атаковали хунвэйбины. Я не стану описывать эту тяжёлую поездку. Дела давно минувших дней. Китайцы и теперь ещё залечили не все болезненные раны того десятилетия. Прибыли мы в Ханчжоу, где расположено знаменитое озеро Сиху. Сопровождавшие нас китайцы предложили прогулку по берегу озера и в прилегающие горы. Я там уже была однажды. Поэтому с прогулки вернулась быстро, прочитала все висевшие недалеко от места стоянки нашего автобуса «дацзыбао» и остановилась у фотовитрины. Вскоре ко мне подошёл один из сопровождавших группу работников и спросил по-русски:

— Что это вы, товарищ Картунова, здесь так внимательно рассматриваете?

— Да вот, — говорю, — смотрю на товарища Цзян Цин, она теперь носит очки и заметно располнела...

— А вы что, раньше видели товарища Цзян Цин? — спросил он с явным недоверием.

— Да, вы знаете, не только видела, но и работала с ней.

— Где?! — прямо-таки подскочил мой собеседник.

— В Москве, — отвечаю.

— Это неправда! — выпалил он. — Товарищ Цзян Цин никогда не была за границей.

— Вы можете говорить все что угодно, — спокойно парировала я. — Но я-то точно знаю, о чём говорю.

Его и других сопровождавших нас китайцев словно ветром сдуло. Явились они к автобусу лишь часа через полтора. Видно, звонили в Пекин, спрашивали, может ли это быть правдой и как вести себя с нашей группой дальше. После этого эпизода нашу группу оставили в

покое, и мы благополучно завершили поездку. Именно на этот эффект в той трудной обстановке я втайне и рассчитывала.

В своих воспоминаниях о встречах с Цзян Цин я не стремилась дать какой-то цельный образ, а лишь набросала отдельные штрихи к её портрету, которые как-то дополняют уже известное о ней по китайской и западной литературе. Ясно одно: в зависимости от обстановки она проявляла себя неоднозначно и была, конечно, фигурой противоречивой. В годы «культурной революции» верх взяли такие её качества, как непомерные амбиции, политический авантюризм в стремлении обладать властью, хитрость, жестокость, мстительность, проявление которых оказалось возможным в определённых исторических условиях. В моей же памяти она запечатлелась такой, какой я видела её во время пребывания в нашей стране более полувека назад.

*A.I. Kartunova**

**Long encounters with Jiang Qing, wife of Mao Zedong,
in Moscow and in Crimea (from my memoirs)**

ABSTRACT: The paper presents stories about my long encounters with Jiang Qing, wife of Mao Zedong, in 1949, 1952–1953, and in 1957 as the author recollects them nowadays.

KEYWORDS: Jiang Qing, Mao Zedong, Li Na, Lin Li, Mao Anqing, Mao Anying.

* Kartunova Anastasiya Ivanovna, doctor of historical sciences, leading researcher of the Center of Political Studies and Forecasts under IFES RAS, Moscow, Russia.